

КОНЦЕПЦИЯ СОЗИДАНИЯ

ИДЕОЛОГИЯ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Борис ЛЕПЕШКО,
доктор исторических
наук, профессор

Обращение к разговору об идеологии белорусского государства – менее всего дань традиции. Дескать, что ж это за суверенное государство, которое не в состоянии «выстроить» идеологическую составляющую своего существования и громко об этом сказать. Нет, аргументация здесь носит более фундаментальный характер. Идеологию в нынешнем XXI веке можно и нужно воспринимать в широком контексте, как своего рода мировоззренческую платформу духовного развития, системный базис, на основе которого возможно адекватное понимание социальных процессов.

Рождение суверенного белорусского государства поставило во главу угла именно эти вопросы: на основе каких идеологических предпочтений целесообразно рассматривать государствообразующие процессы? «Обязаны» ли эти процессы чем-либо идеологии или она «вторична», в том смысле, что лишь рождение государства подразумевает рождение идеологии? Какая связь существует между ценностями, идеалами и практикой строительства суверенного государства? Можно ли утверждать, что национальная идея, по поводу содержания которой сломано столько копий, является «ядром», сутью идеологии? Идеология вторична по отношению к иным формам социального бытия или же обладает неким приоритетом, априорной заданностью?

Общеизвестно, что идеология – это не только «теория», не только «доктрины». Это еще и эмоции, убеждения. Но идеология – это и определенная практика, сущность которой, как будет показано, может достаточно далеко отступать от базовых, умозрительных предпочтений. Вообще говоря, в сугубо теоретическом плане вряд ли можно выстроить жесткую схему, на основании которой возникает понимание связи «теории» и «практики». То есть, вот «писаная» идеология, нечто вроде набора социальных, мировоззренческих, духовных догм: будь добр, приводи в соответствии с ними жизнь. Такого не бывает. Однако и недооценка подобного рода связи может привести к плачевным результатам. Здесь диалектика в чистом виде: противо-

речия, взаимовлияние, движение к новому качеству.

Более того, несомненной ошибкой является взгляд, согласно которому идеологию, систему идеологических предпочтений можно свести исключительно к духовным, гуманитарным составляющим. Скажем, рассуждают об «определяющей роли религии». Или – про «доминанту образования и культуры». Очень часто, например, и сугубо экономические достижения могут быть столь «идеологичны», что определяют весь комплекс социальных приоритетов. Собственно, из этого исходил К. Маркс в своей известной теории.

Конечно же, в связи с такой постановкой вопроса может возникнуть закономерное опасение: а не чрезмерно ли мы расширяем сферу идеологического? Тем более что достаточно часто приходится слышать сегодня модные словосочетания вроде «идеология внешней политики» и «идеология инновационной деятельности», «идеология образования» и «идеология культуры». Безусловно, любое понятие может быть истолковано как расширительно, так и узко. В рамках наших размышлений мы будем исходить из приоритета государствообразующих процессов. Иными словами, идеология нас будет интересовать не сама по себе, а в контексте формирования и развития белорусского суверенного государства. И первый вопрос здесь можно сформулировать так: как же формировалось представление о сути идеологии белорусского государства за два последних неполных десятилетия? С чего все начиналось?

Основное, на что хотелось бы сразу обратить внимание, – это тот факт, что идеология белорусского государства, даже если это государство XX – начала XXI века и формально насчитывает 17 лет, не может быть сведена исключительно к современности. Идеология не появляется «вдруг», как птица Феникс из пепла. Она есть прямое следствие всего предшествующего развития нации. В каком-то смысле будет справедливо утверждать, что над идеологией суверенного белорусского государства «трудились» наши предки в XV, XVI и последующих веках. Самый яркий пример – такая известная национальная черта, как толерантность. Попробуйте «выключить» из идеологического оборота исторические, психологические предпосылки толерантности: многочисленные войны, грабежи, конфессиональные противоречия, предательство национальных элит. Ведь не получится, не правда ли. Хотя бы потому, что мы в генной памяти уже несем и те хаты, которые спалили немцы, и те партизанские леса, в которых пряталась деревенская родня, и то непонимание, которое порождали аристократы, меняющие религию как перчатки. Другими словами, толерантность как предпосылка и эмоционально-психологическая составляющая идеологии белорусского государства не придумана теоретиками, а сформировалась на протяжении веков национальной истории.

Когда в начале 1990-х годов была сделана известная попытка предложить гражданам страны идеологическую модель, основанную на жестком национальном акценте (язык, культура), критическом осмыслении истории православия и превращении униатства в национальную религию, на политической, культурной дистанцированности, несмотря на некоторые условности, от России, – все это вызвало подспудный протест, в том числе и на стихийном уровне. Протестные настроения первоначально коренились не столько в борьбе идеологий, сколько в менталитете. Ведь если разобратся, то тогда, в самом начале 90-х годов, сознательно увлечь себя «доктринами» могли позволить лишь немногие. Скажем, убежденные «партийцы», люди, ангажиро-

ванные либо идеей, либо уже осознанными интересами. В ситуации выживания, в которой оказалась молодая страна, массовые решения часто принимались неосознанно, но эта неосознанность вовсе не означала, что оснований для того или иного решения не существовало вовсе. Именно поэтому тот государственный выбор, который в итоге был сделан, оказался жизнеспособным. А те настроения, которые захватили часть населения в постперестроечный период, не выдержали проверку временем. Они исчерпались, истончились, как исчерпался, истончился слой тех людей, которые заявляли себя «спасителями нации».

Видимо, мы вправе утверждать, что тогда, на самом раннем этапе формирования национальных идеологов, как минимум две из них сформировались в некоторой мере и получили относительно полное развитие. Причем у них внешне были некоторые общие черты. Например, приоритет национального государства и национального развития в системе национальных предпочтений. Этот принцип заявлялся вообще всеми идеологами без исключения. Однако если представители одной из идеологов, назовем ее условно «государственной», уже тогда «тяготели» к союзной философии, союзной риторике и союзной экономике, то представители второй, обозначим ее тоже очень условно «национальной», больше акцентировали внимание на факторах сугубо национального характера. Так, например, понятия «дружба народов», «интернационализм» теоретиками «национальной» идеологии вообще фактически подвергались обструкции. Зато «государственники» сразу же заявили о видении национальных перспектив в интеграционном пространстве, причем не только с восточным соседом. Представители второй из обозначенных нами идеологов выглядели своеобразными «идеологическими интровертами»: внутреннее содержание определяло суть озвученных максим. Представители первой были «экстравертивны» по сути: современный мир полифоничен, а потому не может быть адекватно понят в категориях исключительно национального.

ЛЕПЕШКО

Борис Михайлович.

Родился в 1955 году в городе Волковыске Гродненской области.

В 1978 году окончил Гродненский университет имени Я. Купалы, в 1983 году – аспирантуру Института философии и права АН БССР. Работал заведующим отделом Гродненского горкома ЛКСМБ (1978–1980).

В 1983–1985 годах – доцент Брестского строительного института. С 1985 по 1991 год – лектор Брестского горкома КПБ, инструктор, заместитель заведующего отделом, заведующий идеологическим отделом Брестского обкома КПБ.

С 1991 по 1995 год – доцент Брестского госуниверситета имени Пушкина.

В 1995–2000 годах – председатель совета по делам религий и национальностей Брестского облисполкома, в 2000–2005 годах – декан юридического факультета, в 2005–2007 годах – первый проректор Брестского госуниверситета имени Пушкина.

С 2007 года – профессор БрГУ имени Пушкина, профессор Опольского университета (Польша).

Кандидат философских наук (1983), доктор исторических наук (2000), профессор философии (2001).

Автор свыше 350 научных, литературных работ, статей. Среди них монографии, сборники публицистических работ, эссе, повести, статьи.

Сфера научных интересов: логика, философия истории, методология познания.

Конечно, нельзя не учитывать, что теоретический компонент идеологии тогда оправдывает свое существование, когда овладевает массами. А очень часто бывает так, что рациональный фактор уступает место фактору эмоциональному, рассудочное тушует перед стихийным, чувственным. Вспомните феномен «похорон» коммунистами собственного идеологического кредо, да и самой коммунистической партии на известных заседаниях Верховного Совета в 1991 году. Парадокс: большинство членов парламента уступает без боя меньшинству. Да, агрессивному, чувствующему свое превосходство в аспекте «сиюминутном», психологическом, но меньшинству. Многие позже, объясняя этот факт, говорили о «сумерках сознания» и, очевидно, к этому можно прислушаться. Но есть и иное: идеология оказалась не укорененной в сознании, ее носители допускали, очевидно, существование «двух истин», «двух правд», одной – официальной, а другой – для внутреннего употребления. Но раз так, то и жаловаться нечего. Да и «сумерки сознания» в данном случае интересны разве что для психоаналитиков.

Молодежная акция «Мы, белорусы – мирные люди!» в Минске

Хочется сразу же подчеркнуть весьма важную мысль: власть должна иметь убеждения и быть способной защищать их. Получается, что представители коммунистической партии в том Верховном Совете (или большинство из них) не имели убеждений. А о защите принципов речь уже

не идет. Это, пожалуй, аксиоматично. Но главным является иное: убеждения должны быть присущи власти на любом этапе государственного строительства. Как только место убеждений занимают лозунги или уверения в преданности, задача предельно усложняется.

Но вернемся к нашим идеологемам. Повторим: для «государственной» было присуще уважение к традиции, стремление сохранить ценности советского периода, понимание важности и необходимости союзной

философии и социальной практики. Среди функций преобладала конструктивная. Для «национальной» на первом месте была функция деструктивная, поскольку главной задачей идеологов этой формации было разрушать: советские привычки, советские предпочтения, советскую психологию, советскую общность людей. Концептуальное содержание идеологема акцентировалось на приоритете национального, рассматривавшегося как «диктат духовности», под которым понимались, главным образом, язык и культура. В частности, именно тогда принимались жесткие решения по языку (обязательное его знание для лиц, преподающих, например, в университете, назначение на руководящие должности в высших учебных заведениях только после проверки на «языкопригодность» и так далее).

Отметим: несложно увидеть черты общности между практикой строительства национальных государств, скажем, у наших соседей, народов Балтии и той концепцией, которая в свое время предлагалась нам. Но здесь важно упомянуть и о принципиальных отличиях. Что бы и как ни утверждали теоретики «национальной» концепции, реальную государственность на нашей территории, со всеми ее атрибутами мы действительно создали только в конце XX века. Мы не знали до этого практики относительно длительного развития в рамках национальной государственности. Конечно, были сильные государственные центры, было Полоцкое княжество, но проходили века, а наш народ жил в составе то Великого княжества Литовского, то Речи Посполитой, то Российской империи. И это сказалось как на менталитете нации, так и на ее исторической памяти: связь времен в ряде случаев действительно ощущается с трудом и нужны усилия не одного поколения, чтобы ощутить историческое единство нации. В этом контексте необходимо максимально избегать деструктивных идеологий: нам необходимо не разрушать, а созидать, именно эта задача является определяющей для национальных идеологов. Деструкция – роскошь, для нас непозволительная.

Кроме того, видно, что практика, воплощенная в жизнь идеологом, близких отечествен-

ной «национальной» в странах Балтии, привела в ряде случаев к последствиям, которые нельзя назвать приемлемыми для нас. Скажем, выезд из страны русскоязычных «неграждан», в том числе специалистов, известные судебные споры о признании гражданами лиц, приехавших в страну после Второй мировой войны, героизация национальных фашистских воинских подразделений и так далее. Сложно согласиться с такими возможными последствиями реализации уже «национальной» идеологии. Да и абсолютное большинство населения нашей страны такую возможность отвергло.

Значимо и то, что чувство близости, как кровной, так и исторической, духовной с другими восточнославянскими народами не позволило нам безответственно растратить все те достижения, которые были накоплены нашими отцами и дедами. Это чувство позволило нам выжить в трудные 90-е, создало важный и эффективный потенциал движения вперед.

Существенно, что первоначально в числе наших идеологических предпочтений преобладала союзная философия и такая же практика. Строительство Союзного государства стало не просто целью нашего диалога с Россией, но и сердцевинной идеологической концепции. «Пролистайте» основные внешнеполитические инициативы нашего государства с конца 1980-х и до начала нынешнего тысячелетия: «союзная» идеология превалирует и в чувствах, и в мыслях. Тот союз, который строился с Россией, в какой-то мере был ностальгическим. Однако главное было в ином: обоим народам было что выигрывать в случае успешного завершения союзного проекта. Эта цель, очевидно, и сегодня не деавуирована, и усилия по наполнению Союзного государства реальным содержанием по-прежнему предпринимаются. Однако в середине первого десятилетия нового века проявилась и иная тенденция, сформировалась иная философия: строительство Союза Беларуси и России не снимает, а, пожалуй, усиливает важность задачи построения суверенного государства.

Мысль об этом стала все чаще проследиваться в выступлениях Президента Белару-

си. На этом фоне эффективно и последовательно выстраивались такие «кирпичики» суверенного государства, как армия, налоги, управленческая элита, система образования, развитие национальной культуры, эффективная внешняя политика.

Можно спросить: а при чем здесь идеология? Конечно, если идеологию понимать узко, исключительно как систему взглядов, идей, то место для национального государства здесь усматривается с трудом. Разве что в виде «идеи государства».

Но если понимать идеологию как единство теории и практики, как реальные усилия конкретного социума, то строительство суверенного национального государства – это и основной компонент, и то, что мы смело можем назвать национальной идеей.

Очевидно, следует сказать несколько слов о нашем понимании национальной идеи. Вопрос первый: она есть обязательный атрибут суверенного государства или же можно вполне благополучно существовать без нее? Если «навскидку» обратиться к истории и современному состоянию различных государств мира, то обнаружить национальную идею не так просто. Она ведь не заявлена в официальных документах, более того, многие успешные страны достаточно неявно подчеркивают такого рода необходимость. И варианты решения этой проблемы можно наблюдать разные.

США, например, выдвинули свою национальную идею – демократию – в качестве идеологической концепции, которую они предлагают всем народам, независимо от цвета кожи и вероисповедания. Один из парадоксов в данном случае в том, что национальная идея претендует на роль глобальной доктрины. Пожалуй, это логическая ошибка: национальная идея не может быть одновременно интернациональной. Но это к слову. Франция, Швейцария «персонифицируют» национальную идею: это Жанна д'Арк и Вильгельм Телль. Чтобы конкретизировать суть национальной идеи, очень часто прибегают к разным предикатам. Например, «Святая

Русь», «славная, веселая Франция», «пуританская, ригористичная Англия» и так далее. Но все это, как можно понять, очень условно.

По-видимому, речь идет о двух вещах: для многих стран определение национальной идеи не является первостепенной национальной задачей, и такая задача выдвигается на первый план в государствах молодых, развивающихся и желающих заявить о себе. Да и то не во всех. Мало того, можно предположить, что столь напряженные поиски национальной идеи – особенность именно славянского менталитета. О последнем

замечании: пожалуй, лишь нам свойственно с особым упорством пытаться определить неосязаемую субстанцию, которая называется «русским духом», «славянской идеей» и тому подобное. Появление, кстати, таких крупных художников, как Ф. Достоевский, Л. Толстой, именно в

России – не случайность. Нигде, пожалуй, не было так выражено стремление к «самокопанию», даже откровенному духовному самоистязанию. И сверхзадача этого истязания – национальная идея, «русская идея». Иногда возникает мысль: национальная идея необходима национальной элите для оправдания собственного существования. Для русских мыслителей, начиная с XIX века, потребность в ее поиске вообще становится доминирующей. Кто только из крупных теоретиков не писал о «русской» или «национальной» идее (чаще – первой): и славянофилы с западниками, и классик русской и мировой философской мысли В. Соловьев, и Н. Бердяев, и А. Мережковский, С. и Н. Трубецкие, В. Розанов, П. Флоренский... И смысл постижения был один: в чем предназначение русского народа, к чему он, этот многомиллионный народ, призван в истории?

Можно предположить, что подобные вопросы «задают» себе те страны и народы, которые относительно позже вступили на

путь цивилизационного развития. Скажем, в Англии такого рода споры места практически не имели, и вовсе не потому, что осознание национальных приоритетов было неактуально. Просто все делалось «вовремя»: вовремя была пройдена школа либерализма и произошло расставание с иллюзиями эпохи Просвещения, вовремя были созданы первые университеты и осуществлена «битва за парламент». Тогда же, когда всё впервые, впервые задается и вопрос о смысле национального существования.

Теперь вторая часть разговора о национальной идее: что называть таковой применительно к современному этапу развития нашего общества, нашей нации? Здесь слово «современный» не лишнее: оно показывает историчность «национальной идеи», возможность ее трансформации. Представляется, что встречающиеся в ряде изданий размышления о том, что национальной идеей белорусов является «осмысление бытия белорусского этноса», «национальной идентичности и самости» и так далее является верным лишь на уровне высокой степени обобщения. То есть, это верно, но «вообще». Если же идею конкретизировать, то мы получим «белорусскую государственность», процесс строительства суверенного государства как национальную идею.

Ведь можно сколько угодно рассуждать об «идентичности», но если эта идентичность не имеет формальных, организационных, государственных форм, то грош ей цена, она останется прекраснородушным мечтанием. Можно сколько угодно «осмысливать» историю белорусского этноса, но без государственных «скреп» это осмысление останется теоретическими достижениями, не более того. Национальная идея тогда имеет смысл, когда она не просто осознана, но когда есть все предпосылки к ее реальному воплощению в жизнь.

Могут спросить: ну вот, государство наше национальное построено, о чем не раз заявлялось, значит ли это, что национальная идея «умерла»? Вспомним: мы уже говорили об историчности феномена «национальная идея». Например, немецкие идеологи в XIX веке в стремлении к объединению выдвинули идею единства немецкой нации.

Участники детского ансамбля фольклорного танца «Липочка» (Дрогичинский район)

Германия объединилась, и что же? Да ничего: возникают новые идеи, да и та, которая реализована, достаточно долго «работает», поскольку ее реализация – не одномоментный акт. Точно так же и у нас. Построение суверенного белорусского государства – задача не только сегодняшнего дня. В качестве примера могу привести «борьбу за суверенитет»: ведь получается, суверенитет надо защищать, как политическими, так и идеологическими, в крайнем случае – военными средствами. Так что данная национальная идея способна стать базисной не только для нынешнего поколения белорусов. А если будет исчерпана, придет понимание новых задач, будут выдвинуты новые идеи, новые идеологемы, реализация которых станет целью уже будущих поколений.

Имеет смысл охарактеризовать нынешнее состояние идеологической составляющей государственной политики. Что же лежит в ее основе? Как отметил Президент А. Лукашенко на 3-м Всебелорусском народном собрании (2006), стержнем национальной идеологии является социальная справедливость и патриотизм. Обратимся к этим ключевым характеристикам.

Социальную справедливость как базисный принцип идеологии современного белорусского государства нет необходимости понимать по аналогии с основами жизнедеятельности, скажем, утопийцев из бессмертного произведения Т. Мора. Скажем, объявили об этой самой справедливости, а если не получилось, мы не виноваты. Дело как раз в том, что принцип социальной справедливости тогда чего-то стоит, когда наполняется конкретным содержанием. Имеет ли это место в белорусском государстве? Бесспорно. И тогда, когда государство заявляет о борьбе с бюрократизмом всеми доступными ему методами. И тогда, когда объявляется война коррупционерам всех мастей. И тогда, когда демографическая политика, «подпитываемая» бюджетными ассигнованиями, активно влияет на рост народонаселения. И тогда, когда строятся дворцы спорта, ледовые арены, когда появляются новые больницы и открываются универси-

теты. Социальная справедливость – меньше всего лозунг. Это как раз то, что мы называем практикой идеологической работы. Что касается патриотизма, то его основное содержание также не сводится к абстрактным лозунгам. Вообще, что это – любить Родину? Да и вопрос кажется надуманным, поскольку все, кроме откровенных космополитов и мизантропов, родину любят. Тут вся суть сводится к деятельному участию в тех делах, которые сегодня представляются приоритетными. Когда-то, как мы помним, быть патриотом значило: надо идти на фронт, в партизаны, вставать к станку, словом, «всё для победы», которая поэтому и пришла. Несколько позже патриотизм выражался в таких известных делах, как покорение целины, геологическая и космическая разведка, подъем машиностроения и сельского хозяйства.

В эпоху перестройки и сразу же после нее понятие патриотизм было девальвировано. Многие утверждали, что быть патриотом – это значит разрушать созданное, стряхнуть, так сказать, со своих ног прах тоталитаризма. Но вместе с водой выплеснули и ребенка: все то, что было предметом гордости не одного поколения советских людей, оказалось изгаженным, обогланным, вывернутым наизнанку. Вот так и получилось, что понятие «патриотизм» в середине 90-х годов вновь понадобилось наполнять конструктивным содержанием.

Конечно, имеет смысл говорить о новом качестве патриотической работы, связанном с появлением и укреплением суверенного белорусского государства.

Если раньше, в пору существования большой страны, на первое место выдвигался интернационализм как основополагающий принцип идеологической и практической деятельности, то теперь государственные границы заметно сузились. А рядом с интернационализмом появился и окреп новый принцип: национально-государственное строительство.

Кстати, для людей старшего поколения, тех, кто родился в СССР, существовал

определенный психологический дискомфорт, связанный с изменением масштабов государственного образования. Впрочем, этот дискомфорт был достаточно быстро преодолен.

Таким образом, сегодня новое качество патриотической работы связано с конкретными задачами национального строительства. Если речь идет, например, о приоритете инновационной деятельности в развитии страны, то научный труд, инновационная деятельность становятся той работой, которая патриотична по своей сути. И молодой программист, решающий важные научные задачи, предпочитающий работу в отечественной «силиконовой долине» американским грантам, патриотичен даже тогда, когда это слово вслух и не произносится.

Вообще говоря, здесь нужно избегать догматизма в чистом виде. Иногда утверждают: уехал молодой человек на заработки за границу, значит, он «не патриот». Но это неправильный подход. Патриотом можно быть и за тысячи километров от родины. Точно так же крики о патриотизме еще не дают права утверждать чей-то особый патриотический статус. Здесь все достаточно тонко, и критерием можно считать реальный вклад в процесс государственного строительства. Вот, скажем, в 2008 году Мисс мира объявлена россиянка, студентка из Тюмени. Казалось бы, при чем здесь патриотизм? А ведь весь город ликовал, люди чувствовали гордость и за свою землячку, и за самих себя. Чувство собственного достоинства, кстати, из этого же источника. Что уж тут говорить о студентах нефтегазового университета, где учится лауреатка. В этом же ряду – белорусские реалии. Скажем, победы борисовского футбольного клуба БАТЭ сделали для патриотического воспитания больше, чем сотни прочитанных лекций. Хотя и лекции, конечно, читать надо. Насколько помню, доктор экономических наук, руководитель успешного сельскохозяйственного предприятия А. Скакун особенно не заявляет о своем патриотизме. Но для этого самого патриотизма он делает столько, что его вклад сложно переоценить.

Однако сводится ли современная практика идеологической работы исключительно к названным двум принципам?

Конечно, нет. Вообще, практика идеологической работы не уместается в какие-то формальные границы. Нельзя сказать: вот это – идеология, а это – нет. Иногда строительство забора на селе у одинокого старика может быть сильнейшей идеологической акцией, а запланированное мероприятие с громким «идеологическим» названием закончиться провалом.

Идеология – очень живое дело, и даже планирование должно динамично корректироваться в зависимости от обстоятельств. Вот, скажем, финансовый кризис нынешнего года: какова в этом событии роль идеологических кадров? С одной стороны, нужно разъяснять государственную политику, информировать население. Вообще основополагающий идеологический принцип «Нет информации – придут слухи» очень важен. В идеологии молчание – скорее исключение, нежели правило. Но и этого мало. Ведь нет никакой необходимости пугать людей перспективами того, что господина Дерипаска или Потанин потеряют миллиард или два долларов. Намного уместнее строить работу на позитиве: вот, создан новый цех и появились новые рабочие места. Или: в селе открылась новая баня. Здесь вообще нет мелочей, более того, то, что актуально звучит в городе, не прозвучит в селе. Мы много говорили и говорим о дифференцированном подходе в идеологической работе, но ведь известны факты, когда подготовленный материал к единому информационному дню читается с одинаковым выражением в студенческой аудитории и на ферме.

Конкретные принципы идеологической работы рождаются жизнью, от нее и надо идти. К этому призывал еще классик марксизма Владимир Ленин. Вспомните X съезд РКП(б) и переход к новой экономической политике. Марксом ведь в период этого перехода и «не пахло», отступление от идеологических канонов было налицо, что не помешало зарождению НЭПа. Идеология – это живое творчество масс. Так было всегда, верно это и сегодня. ■

...Практика идеологической работы не уместается в какие-то формальные границы. Нельзя сказать: вот это – идеология, а это – нет. Иногда строительство забора на селе у одинокого старика может быть сильнейшей идеологической акцией, а запланированное мероприятие с громким «идеологическим» названием закончиться провалом.